

Итак, перед нами во всей своей силе и остроте встал вопрос: нужно ли русской армии перейти в наступление?

Временное правительство опубликовало 27 марта обращение «к гражданам» о задачах войны. Среди ряда фраз, затемнявших в угоду революционной демократии прямой смысл обращения, Ставка не могла найти твердых оснований для руководства русской армией: «Оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния, и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага, – первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа... Цель свободной России, – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов... но... не допустит, чтобы Родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики Временного правительства... при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»...

В ноте от 18-го апреля, препровожденной министром иностранных дел Милюковым союзным державам, находим еще одно определение: «Всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы... усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей Родины»...

Конечно, все это были фразы, весьма робко, осторожно, туманно определяющие задачи войны, дающие возможность любого толкования их смысла, а главное лишенные правдивого обоснования: стремление к победе в народе, в армии не только не усилилось, но шло значительно на убыль, как результат, с одной стороны, усталости и падения патриотизма, с другой – чрезвычайно интенсивной работы противоестественной коалиции, заключенной между представителями крайних течений русской революционной демократии, и немецким генеральным штабом, коалиции, связанной невидимыми, но ясно ощущаемыми психологическими и реальными нитями. К этому вопросу я вернусь позднее. Здесь же отмечу лишь, что разрушительная работа по циммервальдовской программе в пользу прекращения войны началась задолго до революции, исходя как извне, так и изнутри.

Временное правительство, проводя – для умиротворения воинствующих органов революционной демократии – бледные, неясные формулы в отношении цели и задач войны, не стесняло, однако, нисколько Ставку в выборе стратегических способов для их достижения. Поэтому нам предстояло разрешить вопрос о наступлении, независимо от существующих направлений политической мысли. Единственное ясное, определенное решение, в котором не могло быть разномыслия среди командного состава, было:

Разбить вражеские армии, в тесном единении с союзниками. Иначе страну нашу неминуемо постигнет крушение. Но такое решение требовало широкого наступления, без которого не только немислимо было одержать победу, но и затягивалась бесконечно разорительная война. Ответственные органы демократии, в большинстве своем, исповедуя пораженческие взгляды, старались повлиять соответственно на массы. От этих взглядов не были вполне свободны даже и умеренные социалистические круги. В солдатской среде идеология циммервальдовской формулы не воспринималась вовсе, но зато сама формула давала известное оправдание чувству самосохранения, или попросту – шкурничеству. И потому, идея наступления не могла быть особенно популярной в армии. Развал в войсках ширился все более, и терялась уверенность не только в упорстве наступления, но даже и в том, будет ли исполнен приказ – удастся ли сдвинуть армию с места... Огромный русский фронт держался еще прочно... по инерции, импонируя врагам, не знавшим, так же как и мы, размеров сохранившейся потенциальной силы его. Что если наступление вскроет наше бессилие?

Таковы были мотивы против наступления. Но слишком много более веских причин, повелительно требовали иного решения. Центральные державы дошли до полного истощения своих людских, материальных и моральных сил. Если осенью 1916 года наступление наше, не увенчавшееся решительным стратегическим успехом, поставило враждебные армии в критическое положение, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношение их изменилось значительно в нашу пользу, а союзники к весне 1917 года заносили громовой удар над головою врагов. Немцы с болезненным страхом ожидали этого удара и, с целью выйти из-под него, еще в начале марта отвели свой стоверстный фронт между Арассом и Суассоном вглубь, верст на 30, на так называемую линию Гинденбурга, подвергнув невероятному и ничем не оправдываемому опустошению оставленную территорию. Этот отход был знаменателен, как явный показатель слабости наших врагов и сулил большие надежды на будущее... Мы не могли не наступать: при полном развале контрразведывательной службы, вызванном подозрительностью революционной демократии, разгромившей органы ее, смешав по недомыслию их функции с кругом ведения ненавистных сыскных отделений; при установившейся связи между многими представителями Совета рабочих и солдатских депутатов и агентами Германии; при более чем легком общении между фронтами, и облегченном донельзя шпионаже, – наше решение не наступать стало бы несомненно известным противнику, который немедленно начал бы переброску своих сил на запад. Это было бы равносильно прямому предательству в отношении союзных

народов, несомненно приводившему если не к официальному, то к фактическому состоянию сепаратного мира, со всеми его последствиями. Настроение революционных кругов Петрограда в этом вопросе казалось, однако, настолько колеблющимся, что в Ставке создалась вначале совершенно необоснованная подозрительность даже в отношении Временного правительства. На этой почве произошел небольшой инцидент. В конце апреля, во время отъезда Верховного, начальник дипломатической канцелярии доложил мне, что среди иностранных военных представителей царит большое возбуждение: только что получена из Петрограда телеграмма итальянского посла, в которой он категорически уверяет, что Временное правительство пришло к решению заключить сепаратный мир с центральными державами. Когда факт получения такой телеграммы был установлен, я, не зная тогда, что итальянское представительство по свойственной его членам экспансивности, не раз уже являлось источником ошибочных сведений, послал военному министру телеграмму, в весьма горячих выражениях, оканчивавшуюся словами: «Презрением заклеймит потомство то дряблое, бессильное, безвольное поколение, которого хватило на то, чтобы свергнуть подгнивший строй, но не хватает на то, чтобы уберечь честь, достоинство и само бытие России». Вышел конфуз: сведение было ложным, правительство, конечно, не помышляло о сепаратном мире.

Позднее, 16 июля в историческом совещании в Ставке (главнокомандующих с членами правительства), мне еще раз пришлось высказать свой взгляд по этому вопросу:

«... Есть другой путь – предательство. Он дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей... Но проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути – политическое, моральное и экономическое рабство».

Я знаю, что в некоторых русских кругах, такое прямолинейное исповедование моральных принципов в политике, впоследствии встречало осуждение: там говорили, что подобный идеализм неуместен и вреден, что интересы России должны быть поставлены превыше всякой «условной политической морали»... Но ведь народ живет не годами, а столетиями; я уверен, что перемена тогдашнего курса внешней политики – существенно не изменила бы крестный путь русского народа, что кровавая игра перемешанными картами продолжалась бы, но уже за его счет... Да и психология русских военных вождей не допускала таких сделок с совестью: Алексеев и Корнилов, всеми брошенные, никем не поддержанные, долго шли по старому пути, все еще веря и надеясь на благородство или, по крайней мере, здравый смысл союзников, предпочитая быть преданными, чем самим предать.

Донкихотство? Может быть. Но другую политику надо было делать другими руками... менее чистыми. Что касается лично меня, то три года спустя, пережив все иллюзии, испытав тяжкие удары судьбы, упершись в глухую стену неприкрытого слепого эгоизма «дружественных» правительств, свободный поэтому от всяких обязательств к союзникам, почти накануне полного предательства ими истинной России, я остался убежденным сторонником честной политики. Только роли переменились: теперь уже мне пришлось убеждать парламентских деятелей Англии, что «здоровая национальная политика не может быть свободна от всяких моральных начал, что совершается явное преступление, ибо иначе нельзя назвать оставление вооруженных сил Крыма, прекращение борьбы против большевизма, введение его в семью культурных народов и хотя бы косвенное признание его; что это продлит немного дни большевизма в России, но распахнет ему широко двери в Европу»... Я верю глубоко, что историческая Немезида не простит им, как не простила бы тогда нам.

Начало 1917 года было временем катастрофическим для центральных держав и решительным для Согласия. Вопрос о русском наступлении чрезвычайно волновал союзное командование. Военные представители Англии (генерал Бартер) и Франции (генерал Жанен) часто бывали у Верховного главнокомандующего и у меня, интересуясь положением вопроса. Но заявления немецкой печати о производимом союзниками давлении, или даже ультимативных требованиях в отношении Ставки, неверны: это было бы просто ненужно, так как и Жанен, и Бартер понимали обстановку и знали, что задержкой и препятствием к переходу в наступление служит только состояние армии.

Они старались ускорить и усилить техническую помощь, в то время как их более экспансивные сотрудники – Тома, Гендерсон и Вандервельде – лидеры социалистических партий запада – пытались безнадежно горячим словом зажечь искру патриотизма среди представителей русской революционной демократии и войск.

Наконец, Ставка учитывала еще одно обстоятельство: в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, русская армия несомненно и быстро догнала бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение, если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой победы. Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благодарной почве пораженческих настроений социалистических партий. Победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть. Риск был неизбежен и оправдывался целью – спасения Родины.

Верховный главнокомандующий, я и генерал-квартирмейстер (Юзефович) совершенно единомысленно считали необходимым наступление. Старший командный состав принципиально разделял этот взгляд. Колебания, и довольно большие при этом, на разных фронтах были лишь в определении степени боеспособности войск и их готовности.

Я утверждаю убежденно, что одно это решение, даже независимо от приведения его в исполнение, оказало союзникам несомненную пользу, удерживая силы, средства и внимание врагов на русском фронте; этот фронт, потеряв свою былую грозную мощь, все же оставался для врагов неразгаданным сфинксом.

Любопытно, что в то же самое время, в главной квартире Гинденбурга разрешался тождественный вопрос. «Общее положение в апреле, мае до июня говорит Людендорф – не давало возможности открыть серьезные действия на восточном фронте». Но позже... «по этому поводу в главной квартире были большие споры. Быстрое наступление на восточном фронте с теми войсками, которые были в распоряжении главнокомандующего этого фронта, подкрепленными несколькими дивизиями с запада – не лучше ли это решение, чем ожидание? Это был наиболее подходящий момент, говорили некоторые, разбить русскую армию, когда боевая ценность ее уменьшилась. Я не согласился, невзирая на улучшение положения на западе. Я не хотел делать ничего, что, казалось, могло разрушить реальную возможность мира»...

Конечно – мира сепаратного. Какого – мы узнали позднее, после Брест-Литовска...

Армиям отдана была директива о наступлении. Общая идея его сводилась – к прорыву неприятельских позиций на подготовленных участках всех европейских фронтов, к широкому наступлению большими силами Юго-западного фронта – в общем направлении от Каменец-Подольска на Львов, и далее к линии Вислы, в то время как ударная группа Западного фронта должна была наступать от Молодечно на Вильно и к Неману, отбрасывая к северу немецкие армии Эйхгорна. Северный и Румынский фронты содействовали частными ударами, привлекая к себе силы противника.

Время для наступления было назначено предположительно, в широких пределах. Но дни шли, а войска, ранее управлявшиеся приказами и безропотно выполнявшие самые тяжелые задачи – те самые войска, которые своею грудью, без патронов, без снарядов сдерживали некогда стихийное наступление австро-германских масс, – теперь стояли с

парализованной волей и помутневшим разумом. Начало все откладывалось.

* * *

Между тем союзники, подготовившие к весне широкую операцию, учитывая значительное усиление врагов на западном фронте, в случае полного развала русской армии, начали великое сражение во Франции, как было обусловлено планом кампании, в конце марта, не дожидаясь окончательного решения вопроса о нашем наступлении. Впрочем, одновременность действий не считалась союзными главными квартирами необходимым условием предстоящей операции, и раньше, до потрясения русской армии. Наше наступление, в силу особенных физических и климатических условий театра, предусматривалось не ранее мая. Между тем генерал Жофр, согласно общему плану кампании 1917 года, выработанному 2 ноября 1916 года на конференции в Шантильи, наметил началом наступления англо-французских армий конец января и первые числа февраля; сменивший его генерал Нивелль, после конференции 14 февраля 1917 года в Кале, перенес начало наступления на конец марта.

27 марта начались атаки англичан у Арасса, на фронте около 20 верст. Подготовленный небывалой силы артиллерийским огнем прорыв немецких позиций принял угрожающие для немцев размеры. С обеих сторон были введены огромные силы. Сражение, то замирая, то вновь вспыхивая, длилось весь апрель. Англичане проникли в глубь неприятельских позиций верст на 6, заняв линию Ленс-Фонтэн, так называемый хребет Вими, представлявший весьма важный и сильно укрепленный рубеж. Сражение это потребовало от немцев огромного напряжения и больших потерь, поглотило резервы и запасы. А в то же время (2 апреля) на широком фронте Суассон – Реймс — Оберив – началась большая операция французов, ознаменовавшаяся вначале также большим успехом и вызвавшая оставление немцами, понесшими громадные потери, своих сильных позиций.

Этот комбинированный удар, направленный концентрически от Арраса на Дуэ и от Реймса на Шарлевиль, обещал решительные результаты. Битва народов, которая должна была решать судьбы их, протекала с огромными жертвами, нося поистине истребительный характер. Но вскоре в темпе грандиозной борьбы наступило какое-то замедление и равновесие. Введение в дело всех немецких резервов, их систематические и упорные контратаки приостановили движение союзников. Его не оживило ни начавшееся удачно 2 мая итальянское наступление на Изонцо, ни успешные атаки англичан в конце мая в Бельгии.

На разных участках западного фронта шли еще кровавые бои, но уже не оставалось никакого сомнения, что решительная весенняя операция союзников, на которую возлагалось столько надежд, от которой ожидали конца страданиям народов, окончена, не оправдав надежд.

Обе стороны сочли себя победительницами, и обе были обескровлены.

Стратегическое положение не изменилось. Большой тактический успех союзников несомненен. Немцы понесли весьма тяжкие потери: за период с 1 апреля по середину июня, общие потери их составили свыше 250 тысяч человек, в том числе пленными 64.500. Англо-французам досталось 509 орудий, 1.318 пулеметов и много другой военной добычи. Моральное состояние немцев пало еще более от сознания явного превосходства техники союзников; благодаря истощению немецких запасов и резервов, к англо-французам перешла инициатива на всем европейском фронте войны. Таковы были блестящие, но далеко не решительные результаты весеннего наступления.

К концу апреля официозная пресса союзников, вдохновленная главными штабами, предостерегала уже народ от увлечений, иллюзий и надежд на скорую победу, и приглашала ждать терпеливо прибытия свежих британских и американских сил... В то же время в англо-французской печати начали подыматься нетерпеливые голоса в пользу скорейшего наступления русской армии.

Несогласованность операций западного и восточного европейских фронтов давала свои горькие плоды. Трудно решить, могли ли союзники отсрочить свое весеннее наступление на два месяца, и поскольку выгода комбинированной с русским фронтом операции компенсировала бы предоставление Германии лишнего времени для усиления, устройства сил и пополнения запасов. Одно несомненно, что отсутствие этой связи во времени доставило немцам огромное облегчение. «Я враг бесполезных соображений, – говорит Людендорф, – но я не могу отказаться подумать, что было бы, если бы Россия наступала в апреле и мае и одержала ряд небольших успехов. Нам предстояла бы тогда, как и осенью 1916 года, очень тяжелая борьба. Наши боевые припасы уменьшились бы в угрожающей степени. По зрелом размышлении, если перенести на апрель-май (даже те) успехи, которые были одержаны русскими в июне, я не вижу, каким образом высшее командование могло бы остаться хозяином положения. В апреле и мае 1917 года, несмотря на нашу победу (?) на Эне и в Шампани, нас спасла только русская революция»...

* * *

Помимо общего наступления на австро-германском фронте, в апреле возник еще один не лишенный интереса вопрос – самостоятельная операция по овладению Константинополем. Министр иностранных дел Милюков, вдохновленный молодыми пылкими моряками, вел многократно переговоры с генералом Алексеевым, убеждая его предпринять эту операцию, которая, по его мнению, могла увенчаться успехом и поставить протестующую против аннексий революционную демократию перед совершившимся фактом.

Ставка отнеслась совершенно отрицательно к этой затее, так не соответствовавшей состоянию наших войск: десантная операция – чрезвычайно деликатная сама по себе – требовала большой дисциплины, подготовки, порядка, а главное, высокого сознания долга десантными войсковыми частями, которые временно становились совершенно оторванными от всякой связи со своей армией. Море в тылу – это обстоятельство угнетающе действует и на сильные духом части.

Этих элементов в русской армии уже не было.

Просьбы министра становились, однако, так настойчивы, что генерал Алексеев счел себя вынужденным дать ему показательный урок: предположена была экспедиция в небольших размерах к малоазиатскому берегу Турции, кажется в Зунгулдак. Операция эта, не имевшая особенно серьезного значения, потребовала сформирования отряда, в составе полка пехоты, броневого дивизиона и небольшой конной части, и возложена была на Румынский фронт. Прошло некоторое время, и сконфуженный штаб фронта ответил, что сформировать отряд не удалось, так как войска... не желают идти в десант...

Этот эпизод, вызванный прямолинейно понятой идеей «без аннексий», извращавшей все начала стратегии, а может быть, и просто шкурничеством, служил еще одним плохим предзнаменованием, для предстоящего общего наступления.

Оно между тем готовилось в муках и страданиях. Русский заржавевший, зазубренный меч все еще раскачивался, и неизвестно было только, когда раскачается окончательно и по чьим головам ударит...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ: ГЕНЕРАЛИТЕТ И ИЗГНАНИЕ СТАРШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА

Одновременно с подготовкой к наступлению, в армии шли реформы и так называемая «демократизация». На всех этих явлениях необходимо остановиться теперь же, так как они предрешили как исход летнего наступления, так и конечные судьбы армии.

Военные реформы начались с увольнения огромного числа командующих генералов – операция, получившая в военной среде трагическое название «избиения младенцев». Началось с разговора военного министра Гучкова и дежурного генерала Ставки Кондзеровского. По желанию Гучкова Кондзеровский, на основании имевшегося материала, составил список старших начальников с краткими аттестационными отметками. Этот список, дополненный потом многими графами различными лицами, пользовавшимися доверием Гучкова, и послужил основанием для «избиения». В течение нескольких недель было уволено в резерв до полутора ста старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий.

Гучков приводит такие мотивы этого мероприятия:

«В военном ведомстве давно свили себе гнездо злые силы – протекционизма и угодничества. С трибуны Государственной Думы я еще задолго до войны указывал, что нас ждут неудачи, если мы не примем героических мер... для изменения нашего командного состава... Наши опасения, к несчастью, оправдались. Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сделал попытку убедить власть сделать необходимое, но вместо этого меня взяли под подозрение... Нашей очередной задачей (с началом революции) было дать дорогу талантам. Среди нашего командного состава было много честных людей, но многие из них были неспособны проникнуться новыми формами отношений, и в течение короткого времени в командном составе нашей армии было

произведено столько перемен, каких не было, кажется, никогда, ни в одной армии... Я сознавал, что в данном случае милосердия быть не может, и я был безжалостен по отношению к тем, которых я считал неподходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, было даже десятки, но я советовался с людьми знающими, и принимал решения лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроением. Во всяком случае, все, что есть даровитого в командном составе, выдвинуто нами. С иерархией я не считался. Есть люди, которые начали войну полковыми командирами, а сейчас командуют армиями... Этим мы достигли не только улучшения, но и другого, не менее важного: провозглашение лозунга «дорогу таланту»... вселило в души всех радостное чувство, заставило людей работать с порывом, вдохновенно»...

Гучков был прав, в том отношении, что армия наша страдала и протекционизмом, и угодничеством; что командный состав ее комплектовался не из лучших элементов, и, в общем, далеко не всегда был на высоте своего положения. Что «чистка» являлась необходимой, и по мотивам принципиальным, и по практическим соображениям: многое сокровенное после «свобод» стало явным, дискредитируя и лиц, и символ власти. Но несомненно также, что принятый порядок оценки боевой пригодности старшего генералитета, отражавший не всегда беспристрастные мнения, заключал в себе элементы случайности и субъективности. Ошибки были, несомненно. В список попали и средние начальники, не выделявшиеся ни в ту, ни в другую сторону, каких большинство во всех армиях; попали и некоторые достойные генералы.

Я должен, однако, признать, что многие из уволенных вряд ли представляли особенную ценность для армии. Среди них были имена одиозные и анекдотические, державшиеся только благодаря инертности и попустительству власти. Я помню, как потом по разным поводам генералу Алексееву вместе со мной, приходилось перебирать списки старших чинов резерва, в поисках свободных генералов, могущих получить то или иное серьезное назначение, или ответственное поручение. Поиски обыкновенно были очень нелегки: хорошие генералы – обиженные увольнением или потрясенные событиями – отказывались, прочие были неподходящими. В частности, когда явилась надобность послать нечто вроде военно-сенаторской ревизии на Кавказ, то из огромных списков извлекли всего две фамилии: одна принадлежала генералу, рапортовавшемуся больным, другая... была немецкой. Ревизия не состоялась. Помню и такой эпизод: когда в вагоне Гучкова обсуждалось раз замещение какой-то открывшейся вакансии, в его списках нашли имена 2-3 генералов, ранее не особенно двигавшихся по службе, ныне же отмеченных решительно во всех графах выдающимися.

Что же дали столь грандиозные перемены армии? Улучшился ли действительно в серьезной степени командный состав? Думаю, что цель эта достигнута не была. На сцену появились люди новые, выдвинутые установившимся правом избирать себе

помощников – не без участия прежних наших знакомых – свойства дружбы и новых связей. Разве революция могла переродить или исправить людей? Разве механическая отсортровка могла вытравить из военного обихода систему, долгие годы ослаблявшую импульс к работе и самоусовершенствованию? Быть может, выдвинулось несколько единичных «талантов», но наряду с ними, двинулись вверх десятки, сотни людей случая, а не знания и энергии. Эта случайность назначений усилилась впоследствии еще больше, когда Керенский отменил на все время войны, как все существовавшие ранее цензы, так и соответствие чина должности при назначениях (июнь), в том числе, конечно, и ценз знания и опыта.

Передо мною лежит список старших чинов русской армии к середине мая 1917 года, т. е. как раз к тому времени, когда гучковская «чистка» была окончена. Здесь – Верховный главнокомандующий, главнокомандующие фронтами, командующие армиями и флотами и их начальники штабов. Всего 45 лиц. Мозг, душа и воля армии! Трудно оценивать их боевые способности соответственно их последним должностям, ибо стратегия и вообще военная наука в 1917 году потеряла, в значительной степени, свое применение, став в подчиненную рабскую зависимость от солдатской стихии. Но мне прекрасно известна деятельность этих лиц по борьбе с «демократизацией», т. е. развалом армии.

Вот численное соотношение трех различных группировок:

Группировки	Поощрявшие демократизацию	Не борющиеся против демократизации	Борющиеся против демократизации	Всего
Командный состав	—	—	—	—
Верховный Главнокомандующий	—	—	—	—
Командующие армиями	5	7	—	—
Командующие флотами	6	7	—	—
Начальники штабов	—	—	—	—
ВСЕГО	15	11	14	40

Из них впоследствии, с 1918 года, участвовало или не участвовало в борьбе (командный состав):

Группировки	Поощрявшие демократизацию	Не борющиеся против демократизации	Борющиеся против демократизации	Всего
В антибольшевистской организации	7	10		

				19
У большевиков	6	—	1	7
Отошли в сторону	7	4	3	14

Группировки Поощрявшие демократизацию Не боровшиеся против демократизации
Боровшиеся против демократизации ВСЕГО Командный состав — — — — Верховный
Главкомандующий — — — — Командующие армиями 9 5 7 — Командующие флотами 6
6 7 — Начальники штабов — — — — ВСЕГО 15 11 14 40

Из них впоследствии, с 1918 года, участвовало или не участвовало в борьбе (командный состав):

Группировки Поощрявшие демократизацию Не боровшиеся против демократизации
Боровшиеся против демократизации ВСЕГО

В антибольшевистской организации 2 7 10 19 У большевиков 6 — 1 7 Отошли в сторону 7
4 3 14

Таковы результаты реформы наверху военной иерархии, где люди находились на виду, где деятельность их привлекала к себе критическое внимание не только власти, но и военной и общественной среды. Думаю, что не лучше обстояло дело на низших ступенях иерархии.

Но если вопрос о справедливости мероприятия может считаться спорным, то лично для меня не возникает никакого сомнения, в крайней нецелесообразности его. Массовое увольнение начальников окончательно подорвало веру в командный состав, и дало

внешнее оправдание комитетскому и солдатскому произволу, и насилию над отдельными представителями командования. Необычайные перетасовки и перемещения оторвали большое количество лиц от своих частей, где они, быть может, пользовались, приобретенными боевыми заслугами, уважением и влиянием; переносили их в новую, незнакомую среду, где для приобретения этого влияния требовалось и время, и трудная работа в обстановке, в корне изменившейся. Если к этому прибавить продолжавшееся в пехоте формирование третьих дивизий, вызвавшее в свою очередь, очень большую перетасовку командного состава, то станет понятным тот хаос, который воцарился в армии.

Такой хрупкий аппарат, каким была армия в дни войны и революции, мог держаться только по инерции, и не допускал никаких новых потрясений. Допустимо было только изъять безусловно вредный элемент, в корне изменить систему назначений, открыв дорогу достойным, и предоставить затем вопрос естественному его течению, во всяком случае без излишнего подчеркивания, и не делая его программным.

Кроме удаленных этим путем начальников ушло добровольно несколько генералов, не сумевших помириться с новым режимом, в том числе Лечицкий и Мищенко, и много командиров, изгнанных в революционном порядке – прямым или косвенным воздействием комитетов или солдатской массы. К числу последних принадлежал и адмирал Колчак.

Перемены шли и в дальнейшем, исходя из различных, иногда прямо противоположных взглядов на систему ведения армии, нося поэтому необыкновенно сумбурный характер, и не допуская отсложения определенного типа командного состава.

Алексеев уволил главнокомандующего Рузского и командующего армией Радко-Дмитриева, за слабость военной власти и оппортунизм. Он съездил на Северный фронт и, вынеся отрицательное впечатление о деятельности Рузского и Радко-Дмитриева, деликатно поставил вопрос об их «переутомлении». Так эти отставки и были восприняты тогда обществом и армией. По таким же мотивам Брусилов уволил Юденича.

Я уволил командующего армией (Квецинского) – за подчинение его воли и власти дезорганизующей деятельности комитетов в области «демократизации» армии.

Керенский уволил Верховного главнокомандующего Алексеева, главнокомандующих Гурко и Драгомирова, за сильную оппозицию «демократизации» армии; по мотивам прямо противоположным уволил и Брусилова – чистейшего оппортуниста.

Брусилов уволил командующего 8 армией генерала Каледина – впоследствии чтимого всеми Донского атамана – за то, что тот «потерял сердце» и не пошел навстречу «демократизации». И сделал это, в отношении имевшего большие боевые заслуги генерала, в грубой и обидной форме, сначала предложив ему другую армию, потом возбудив вопрос об удалении. «Вся моя служба – писал мне тогда Каледин – дает мне право, чтобы со мной не обращались, как с затычкой различных дыр и положений, не осведомляясь о моем взгляде».

Генерал Ванновский, смещенный с корпуса командующим армией Квецинским по несогласию на приоритет армейского комитета, немедленно вслед за этим получает по инициативе Ставки высшее назначение – армию на Юго-западном фронте.

Генерал Корнилов, отказавшийся от должности главнокомандующего войсками петроградского округа, «не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии... Советом рабочих и солдатских депутатов», назначается потом главнокомандующим фронтом, и Верховным главнокомандующим. Меня Керенский отстраняет от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего по несоответствию видам правительства и за явное несочувствие его мероприятиям, и тотчас же допускает к занятию высокого поста главнокомандующего Западным фронтом.

Были и обратные явления: Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев, долго и тщетно делал попытки сместить, стоявшего во главе Балтийского флота, выборного командующего, адмирала Максимова, находившегося всецело в руках мятежного исполнительного комитета Балтийского флота. Необходимо было фактическое изъятие из окружающей среды этого принесшего огромный вред командующего, так как комитет его не выпускал, и Максимов на все предписания прибыть в Ставку отвечал отказом, ссылаясь на критическое положение флота...

Только в начале июня Брусилову удалось избавиться от него флот, ценою... назначения

начальником морского штаба Верховного главнокомандующего!..

И много еще можно было бы привести примеров невероятных контрастов в идейном руководстве армией, вызванных столкновением двух противоположных сил, двух мировоззрений, двух идеологий.

* * *

Я уже говорил раньше, что весь командующий генералитет был совершенно лоялен, в отношении Временного правительства. Сам позднейший «мятежник» генерал Корнилов говорил когда-то собранию офицеров: «Старое рухнуло! Народ строит новое здание свободы, и задача народной армии – всемерно поддержать новое правительство в его трудной, созидательной работе»... Командный состав, если и интересовался вопросами общей политики и социалистическими опытами коалиционных правительств, то не более чем все культурные русские люди, не считая ни своим правом, ни обязанностью привлечение войск к разрешению социальных проблем. Только бы сохранить армию и то направление внешней политики, которое способствовало победе. Такая связь командного элемента с правительством – сначала «по любви», потом «из расчета» – сохранилась вплоть до общего июньского наступления армии, пока еще теплилась маленькая надежда на перелом армейских настроений, так грубо разрушенная действительностью. После наступления и командный состав несколько поколебался...

Я скажу более: весь старший командный состав армии совершенно одинаково считал ту «демократизацию армии», которую проводило правительство, недопустимой. И если в таблице, приведенной мною выше, мы встретили 65% начальников, не оказавших достаточно сильного протеста против «демократизации» (разложения армии), то это зависело от совершенно других причин: одни делали это по тактическим соображениям, считая, что армия отравлена, и ее надо лечить такими рискованными противоядиями, другие – исключительно из-за карьерных побуждений. Я говорю не предположительно, а исходя из знания среды и лиц, со многими из которых вел откровенную беседу по этим вопросам. Генералы, широко образованные и с большим опытом, не могли, конечно, проводить искренно и научно такие «военные» взгляды, как например: Клембовский, предлагавший поставить во главе фронта триумвират из главнокомандующего, комиссара и выборного солдата; Квецинский – «снабдить армейские комитеты особыми полномочиями от военного министра, и Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, дающими им право действовать от имени комитета». Вирановский, предлагавший весь командный состав обратить в «технических советников», передав всю власть комиссарам и комитетам!»...

Керенский в своей книге рассказывает про «разгром Юго-западного фронта», который начался, якобы, «как только генерал Корнилов перевел туда Деникина и Маркова. Там началось генеральное уничтожение всех командующих, сочувственно относившихся к войсковым организациям»... Это не вполне точно: я на Юго-западном фронте удалил только одного генерала Вирановского, желая в армии иметь полководцев, а не «технических советников». Этот эпизод вызвал ряд «обличительных» телеграмм правительству комиссаров Гобечию и Иорданского, грозное постановление исполнительного комитета Юго-западного фронта, и по совокупности «явно отрицательного отношения моего к выборным войсковым организациям» (последнее вполне справедливо) – требование, предъявленное Корнилову управляющим военным министерством Савинковым и верховным комиссаром Филоненко о моем отчислении...

Как все это странно. Передо мною интересный документ, характеризующий тот сумбур, который должен был происходить в умах солдат и войсковых организаций: письмо от 30 июня генерала Духонина, бывшего начальником штаба Юго-западного фронта, к генералу Корнилову – тогда командующему 8-ой армией: «Милостивый Государь, Лавр Георгиевич! Главнокомандующий по долгу службы, приказал сообщить Вам ниже следующие сведения, о деятельности командира 2-го гвардейского корпуса, генерала Вирановского, и штаба этого корпуса, полученные от войсковых организаций, и относящиеся к двадцатым числам июня сего года.

В корпусе создалось настроение против наступления. Генерал В., будучи сам противником наступления, заявил дивизионным комитетам, что он ни в каком случае не поведет гвардию на убой. Ведя собеседование с дивизионными комитетами, генерал В. разъяснял все невыгоды и трудности наступления, выпавшие на долю корпуса, и указывал на то, что ни справа, ни слева, ни сзади никто не поддержит корпус. Чины штаба корпуса вообще удивлялись, как главнокомандующий мог давать такие задачи, неразрешимость которых ясна даже солдатам-делегатам. Штаб корпуса был занят не тем, чтобы изыскать способы выполнить поставленную корпусу трудную задачу, а старался доказать, что эта задача невыполнима».

Бедная революционная демократия! Как трудно ей было разбираться в истинной сущности военных вопросов, за разрешение которых она взялась, и отличить «врагов» от «друзей»...

Позднее к тем рубрикам, которые приведены в моей таблице, прибавилась еще одна

графа: чистых демагогов, как например Черемисов, Верховский, Вердеревский, Егорьев, Сытин, Бонч-Бруевич, и другие. Первые три успели выйти кратковременно на верх иерархической лестницы, в период заката Временного правительства, прочие – нет. Но все они, за исключением Вердеревского, как и следовало ожидать, заняли довлеющие им крупные посты в большевистском командовании.

Насколько лоялен был высший командный состав, можно судить по следующему факту: в конце апреля генерал Алексеев, отчаявшись в возможности самому лично остановить правительственные мероприятия, ведущие к разложению армии, перед объявлением знаменитой декларации прав солдата, послал главнокомандующим шифрованный проект, сильного и резкого, коллективного обращения от армии к правительству; обращение указывало на ту пропасть, в которую толкают армию; в случае одобрения проекта обращения, его должны были подписать все старшие чины, до начальников дивизий включительно.

Фронты, однако, по разным причинам, отнеслись отрицательно к этому способу воздействия на правительство. А временный главнокомандующий Румынским фронтом, генерал Рагоза – позднее украинский военный министр у гетмана – ответил, что видимо, русскому народу Господь Бог судил погибнуть, и потому не стоит бороться против судьбы, а, осенив себя крестным знамением, терпеливо ожидать ее решения!.. Это – буквальный смысл его телеграммы.

Таковы были настроения и нестроения на верхах армии. Что касается категории начальников, неуклонно боровшихся против развала армии, то многие из них, независимо от большей или меньшей веры в успех своей работы, независимо от ударов судьбы, шаг за шагом разрушавшей надежды и иллюзии, независимо даже от предвидения некоторыми того темного будущего, которое уже давало знать о своем приближении тлетворным дыханием разложения, – шли по тернистому пути, против течения, считая, что это их долг перед своим народом. Шли с поднятой головой, встречая непонимание, клевету и дикую ненависть, до тех пор, пока хватало сил и жизни.

Продолжение следует